

Георгий Агабеков

ГПУ

БЫВШИЙ
НАЧАЛЬНИК
ВОСТОЧНОГО
СЕКТОРА
ИНОСТРАННОГО
ОТДЕЛА ОГПУ И
РЕЗИДЕНТ ОГПУ
НА БЛИЖНЕМ
ВОСТОКЕ,
НЕВОЗВРАЩЕЦ

З а п и с к и ч е к и с т а

Евгений Думбадзе

СОВЕТСКИЙ
РАЗВЕДЧИК-
НЕВОЗВРАЩЕЦ,
ОТКРЫТО
ВЫСТУПИВШИЙ
ПРОТИВ
СОТРУДНИЧЕСТВА
С БОЛЬШЕВИКАМИ

**НА СЛУЖБЕ В ЧК
И КОМИНТЕРНЕ**

Л и ч н ы е в о с п о м и н а н и я

**Евгений Думбадзе
Георгий Сергеевич Агабеков
ГПУ**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6449568

ГПУ / Георгий Агабеков, Евгений Думбадзе. – М.: , . 978-5-227-07510-9:

Центрполиграф; Москва; 2018

ISBN 978-5-227-07510-9

Аннотация

Объединяет этих двух авторов то, что оба служили в ГПУ, оба бежали на Запад и обоих ликвидировали сотрудники НКВД. Агабекова – явно, судьба Думбадзе неизвестна, он просто пропал.

Оба в своих мемуарах разоблачали большевистский режим.

Содержание

ГПУ. Записки чекиста	5
Введение	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	19
Часть вторая	39
Глава 1	39
Глава 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Георгий Агабеков, Евгений Думбадзе ГПУ

Георгий Агабеков

ГПУ. Записки чекиста

Бывший начальник восточного сектора иностранного отдела ОГПУ и резидент ОГПУ на Ближнем Востоке, не возвращенец

Евгений Думбадзе

На службе в ЧК и Коминтерне. Личные воспоминания

Советский разведчик-невозвращенец, открыто выступивший против сотрудничества с большевиками

ГПУ. Записки чекиста

Георгий Агабеков

Записки чекиста

БЫВШИЙ НАЧАЛЬНИК ВОСТОЧНОГО СЕКТОРА
ИНОСТРАННОГО ОТДЕЛА ОГПУ И РЕЗИДЕНТ ОГПУ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ, НЕВОЗВРАЩЕЦ

Введение

Мне пришлось работать десять лет в наиболее «знаменитом» из всех советских учреждений, ВЧК – ОГПУ. С 1920 года, вплоть до 1930 года, я работал в центре ОГПУ в Москве и на периферии, в отделах по борьбе с врагами СССР внутри страны и последние шесть лет в иностранном отделе по работе за границей. За этот период мне много приходилось слышать и читать о нашей работе в иностранной прессе и в докладах иностранных представительств, попа-

давших в распоряжение ГПУ. Но нигде я не нашел хотя бы приблизительной картины той организации, какая существует в ОГПУ, ни того, что там делается, ни характеристики руководителей этого учреждения, ни достоверных сведений о сотрудниках.

Сколько раз в Москве, в нашем отделе, на Лубянке, читая эмигрантские газеты и листовки, мы искренно удивлялись наивности автора и смеялись над доверчивостью читательской массы, для которой предназначались эти статьи.

Сколько раз, читая перехваченные ОГПУ доклады иностранных послов и консулов своим правительствам, мы удивлялись, что они так плохо осведомлены о нашей работе. Вот поэтому я ставлю задачей своей книги дать подробное описание организации ОГПУ и методов работы. Говорю – по возможности, так как методы меняются по обстоятельствам времени и места.

Часть первая

Что такое ОГПУ

Глава 1

Внутренняя организация ОГПУ

Центр ОГПУ (Общесоюзного государственного политического управления) находится в Москве, на Лубянской площади. Он занимает весь квадрат между Большой и Малой Лубянкой и тянется по Большой Лубянке вплоть до гостиницы «Селект» на Сретенке, содержащейся на средства ОГПУ для уловления приезжих иностранцев. Иностранные гости, останавливаясь там, подвергаются тщательной слежке, а их багаж тайно обыскивается в их отсутствие; руководящий персонал гостиницы является агентами ГПУ. Дома в Варсонофьевском и Милютинском переулках заняты под общежития-коммуны для сотрудников, и фактически вся территория между Лубянкой и Сретенкой находится в распоряжении ОГПУ.

В этом учреждении к настоящему времени работает около 2500 человек. Из них около 1500 являются членами коммунистической партии. Остальные – частью комсомолы, частью беспартийные. Беспартийные, как правило, занимают

низшие должности: это — машинистки, делопроизводители и пр.

ОГПУ разделено на отделы: контрразведывательный (КРО), иностранный (ИНО), секретный (СО), особый (ОО), специальный (СПЕКО), экономическое управление (ЭКУ), информационный отдел (ИНФО), оперативный отдел, восточный отдел (ВО), отдел пограничной охраны (ПО) и административно-организационное управление. Кроме того, имеются вспомогательные части: хозяйственная часть, комендатура, фельдъегерский корпус, кооператив, клуб, типография и тюрьма.

Во главе всего учреждения стоит председатель ОГПУ Менжинский, достаточно известный по своей прежней деятельности. Будучи высокоразвитым и образованным человеком, он, однако, не пользуется достаточным авторитетом в Центральном комитете партии и в политбюро (верховное руководство Центральным комитетом). Менжинский сильно болен, редко вмешивается в дела внутреннего управления ОГПУ и ограничивает свою деятельность тем, что *представляет* это учреждение в Центральном комитете партии.

Менжинский имеет двух заместителей. Первый из них — Ягода — фактически управляет всем учреждением.

Ягода, человек властолюбивого характера, обладает сильной волей и готов на все ради достижения намеченной цели. Насколько Менжинский благовоспитан и образован, на-

столько Ягода груб и некультурен. Держится он на своем посту благодаря угодливости перед членами политбюро и ЦК и благодаря искусству интриги – оружию, которым он владеет в совершенстве. Он своевременно учитывает возможность конкурентов и принимает меры к их уничтожению. Так, например, видя во втором заместителе председателя ОГПУ, Трилиссере, опасного противника, он добился через Центральный комитет партии его снятия с работы в ГПУ.

Для проведения в исполнение своих целей Ягода окружил себя хотя и бездарной, но преданной публикой, которая за его подачи и поддержку готова делать и делает все, что он захочет. Одним из таких прихлебателей является его секретарь Шанин – уголовная личность, с явно садистскими наклонностями. Этот Шанин устраивает частенько для Ягоды оргии с вином и женщинами, до которых Ягода большой охотник. Девочки на эти вечера вербуются из комсомольской среды.

Все отделы О ГПУ, за исключением иностранного, пограничного и специального, объединяются в секретно-оперативное управление, начальником которого состоит тот же Ягода.

Иностранный и пограничный отделы подчиняются второму заместителю председателя. Специальный отдел, во главе с начальником Бокием, подчиняется непосредственно Центральному комитету партии.

Все начальники отделов, оба заместителя и председатель

составляют коллегия ОГПУ, которая собирается раз в неделю для обсуждения и решения очередных дел.

Чем занимается каждый из отделов?

Контрразведывательный отдел ведет работу внутри СССР по борьбе с иностранным шпионажем и с контрреволюционными выступлениями в среде гражданского населения. Этот отдел обслуживает также все иностранные миссии в СССР, ведя разведку и добывая информацию и документы в этих миссиях. Отдел имеет широкую внутреннюю агентуру. Все управляющие гостиницами, заведующие кино и театрами состоят его агентами. Контрразведывательный отдел, или как он сокращенно называется – КРО, имеет агентуру во всех советских учреждениях и ежедневно получает от своих агентов сведения о происходящем в этих учреждениях. Он же поставляет мелких служащих: горничных, шоферов и т. п. для иностранных миссий и через них получает разного рода сведения, вербуя в то же время в агентуру других служащих иностранных миссий. Начальником КРО является Ольский. Это человек лет под тридцать пять, молодой, энергичный, преданный сторонник Ягоды. Ольский сумел подобрать соответствующих людей в свой аппарат, и работа отдела считается удовлетворительной. Отдел распадается на несколько отделений, обслуживающих каждое свою отрасль. Так, например, первое отделение КРО ведает исключительно наблюдением за гостиницами, театрами, ресторанами. Оно же вскрывает перехваченную корреспонденцию, главным обра-

зом дипломатическую почту иностранных посольств и миссий, тем или иным путем попавшую в руки ГПУ.

Второе и третье отделения занимаются работой по борьбе со шпионажем прибалтийских стран; третье отделение, например, заманило в Россию Савинкова и др. Четвертое отделение борется со шпионажем восточных стран, пятое отделение – с англо-американским шпионажем и т. д.

Секретный отдел (СО) ведет работу по борьбе с враждебными коммунизму политическими партиями, с течениями внутри коммунистической партии и, наконец, он же борется с религией и ведет работу по ее разложению. Агентура отдела охватывает все слои населения и главным образом духовенство.

Работа по духовенству поручена 6-му отделению СО, и руководит ею Тучков. Он считается спецом по религиозным делам и очень ловко пользуется разделением церкви на старую и новую, вербуя агентуру с той и с другой стороны. 6-е отделение помещается рядом с иностранным отделом, и мне часто приходилось видеть у дверей Тучкова священников, ожидающих с ним беседы.

Секретный отдел, как и все другие, разбит на отделения со строго определенными функциями. Начальник отдела Дерibas, старый член партии, интересуется больше делами партийных группировок, на разоблачении которых надеется нажить себе капитал перед Центральным комитетом и получить в награду пост второго заместителя председа-

теля ОГПУ. Это его давнишняя мечта. Она заставляла его все время блокироваться с Ягодой против Трилиссера, чтобы, спихнув последнего, занять его место. Благодаря такой личной занятости начальника отдел работает сравнительно неважно, если не считать энергичной деятельности Тучкова по разложению духовенства.

Экономическое управление (ЭКУ) ведет работу среди промышленных, торговых и финансовых учреждений СССР по выявлению экономических злоупотреблений, причин невыполнения планов и борется с экономическим шпионажем в СССР. Начальник отдела – Прокофьев, человек образованный и энергичный. Раньше Прокофьев был помощником Трилиссера по иностранному отделу, но Трилиссер постарался от него избавиться, боясь, что со свойственной ему энергией Прокофьев столкнет его самого с места.

Информационный отдел (ИНФО) следит за настроениями во всех слоях общества и содержит колоссальный штат секретных осведомителей. Этот же отдел выполняет роль цензуры над литературными и театральными произведениями и перлюстрирует корреспонденцию, обращающуюся внутри СССР. Начальником отдела является Алексеев, бывший анархист, перешедший в коммунистическую партию, кажется, в 1920 году.

Алексеев работает не за страх, а за совесть, но все-таки не пользуется большим доверием у президиума ГПУ. При нем всегда, в качестве заместителя, имеется один из надежней-

ших партийцев. Таковым «наблюдателем» в настоящее время состоит некто Запорожец, испытанный чекист, бывший помощником Трилиссера по иностранному отделу и ушедший вследствие несогласия с осторожной политикой Трилиссера. Этот Запорожец славился тем, что во время петлюровщины сумел проникнуть к Петлюре и состоял одно время его личным адъютантом.

Особый отдел (ОО) ведает наблюдением за армией и флотом. Через военных комиссаров и политруков, обязанных информировать отдел, ГПУ всегда находится в курсе настроений армии. ОО наблюдает также за снабжением армии продовольствием и амуницией и следит за правильностью охраны военных складов. Начальником отдела является сам Ягода, но фактически управляет им Ольский, начальник КРО.

Восточный отдел (ВО) ведет работу в восточных национальных республиках и среди восточных национальных группировок. Номинально им управляет Петерс, фактически же работой руководит некто Дьяков. Петерс же, как известно, является членом Центральной контрольной комиссии и ей отдает все свое время.

Петерс – фигура морально окончательно разложившаяся. Женщины и личная жизнь интересуют его больше, чем все остальное. Еще будучи полномочным представителем ОГПУ, он, разъезжая по окраинам, всегда имел при себе в вагоне двух-трех личных секретарш, которых, по мере ненадобности, высаживал из поезда по пути следования. Так, на-

пример, в бытность мою резидентом ОГПУ в Бухаре в 1922 году, Петерс приезжал с двумя девицами и, высадив их в Бухаре, предложил мне устроить их куда-нибудь. Его заместителем по восточному отделу в 1929 году был некто Петросян, бывший председатель грузинской ЧК, расстрелявший председателя крымского ЦИКа Ибрагимова для того, чтобы жениться на его жене. Когда об этом узнал Центральный комитет, то Петросяна уволили без права работы в органах ГПУ. Он потом жаловался мне, что Петерс, его начальник и друг, делал много худшие вещи, и тому это сходило с рук, а вот когда он, Петросян, сделал маленький проступок, то негодяй Петерс не встал на его защиту.

Специальный отдел (СПЕКО) работает по охране государственных тайн от утечки к иностранцам, для чего имеет штат агентуры, следящий за порядком хранения секретных бумаг. Другой важной задачей отдела является перехватывание иностранных шифров и расшифровка поступающих из заграницы телеграмм. Он же составляет шифры для советских учреждений внутри и вне СССР.

Шифровальщики всех учреждений подчиняются непосредственно специальному отделу. Работу по расшифровке иностранных шифров спецотдел выполняет прекрасно и еженедельно составляет сводку расшифрованных иностранных телеграмм для рассылки начальникам отделов ГПУ и членам ЦК.

Третьей задачей специального отдела является надзор за

тюрьмами и местами заключения по всему Советскому Союзу, охрану же их несут войска ГПУ. При отделе имеется канцелярия, фабрикующая всевозможные документы (паспорта, фальшивые удостоверения и пр.), необходимые для той или иной цели в работе ГПУ.

Начальником отдела состоит Бокий, бывший полпред ВЧК, буквально терроризировавший Туркестан в 1919–1920 годах. О нем еще и сейчас, десять лет спустя, ходят легенды в Ташкенте, что он любил питаться сырым собачьим мясом и пить свежую человеческую кровь. Несмотря на то что Бокий только начальник отдела, он, в исключение из правил, подчиняется непосредственно Центральному комитету партии и имеет колоссальное влияние в О ГПУ. Подбор сотрудников в специальном отделе хорош, и работа поставлена образцово.

Пограничный отдел (ПО) управляет войсками особого назначения О ГПУ, всеми пограничными войсками и ведет борьбу с контрабандой. Все таможни обязаны иметь тесный контакт с ПО и фактически подчиняются ему. Начальник отдела Вележев был прежде помощником Трилиссера по иностранному отделу. Это идейно убежденный коммунист, хотя в партии состоит только с 1920 года. В 1924 году его послали под фамилией Ведерников в Бизерту на приемку от Франции флота Врангеля, затем под этой же фамилией он ездил в Китай и был там одним из руководителей китайской революции и организатором работы ГПУ.

Начальником иностранного отдела (ИНО) и вторым за-

местителем председателя ОГПУ был до недавнего времени Трилиссер. Ныне его сменил Мессинг, бывший до того полномочным представителем ГПУ в Ленинграде. ИНО обслуживает исключительно за границу. При каждом полпредстве и крупном консульстве он имеет своего полуофициального представителя, которому иногда придаются помощники. Эти представители, или резиденты ГПУ, занимают главным образом должности второго секретаря или атташе при полпредстве, но иногда устраиваются в торгпредствах и в других хозяйственных учреждениях за границей.

Работа иностранного отдела заключается в освещении политического и экономического положения иностранных государств, в добыче всевозможных документов, имеющих ценность для советского правительства, в выявлении отправляемых в СССР разведчиков других стран, освещении жизни эмиграции, разложении эмигрантских организаций, и пр. и пр. Этот отдел, кроме самостоятельных заданий, обязан выполнять и задания других отделов ОГПУ, поскольку дело касается заграницы. Кроме того, на обязанности его лежит освещение работы советских дипломатических и хозяйственных учреждений.

Иностраный отдел, кроме указанных официальных представителей, имеет в тех же странах свою нелегальную агентуру, работающую под вымышленными фамилиями и с фальшивыми паспортами. Эти секретные – нелегальные – резиденты пользуются особыми правами и доверием. Глав-

ная их задача заключается в том, чтобы прочно обосноваться в данной стране, завести связи и укрепить положение настолько, чтобы можно было продолжать дело даже в случае военного столкновения и высылки официальных представителей. Посылки «нелегальных» резидентов начались года два назад, когда анализ внешних событий показал неизбежность будущей войны. С тех пор нелегальные резиденты обосновались в Персии, Афганистане, Турции, Ираке и западных странах. Посылаемые таким порядком представители ГПУ не должны поддерживать связи с официальными советскими представительствами за границей.

На остальных отделах останавливаться не стоит, ибо они играют подсобную роль, за исключением оперативного отдела, ведающего агентурой для наружного наблюдения. Обыкновенно для наружного наблюдения за тем или другим лицом заинтересованный отдел обращается в оперативный отдел, который и принимает на себя выполнение задачи. Оперативному отделу подчиняется комендантская часть. Комендантская часть производит аресты, обыски и расстреливает приговоренных в специальных подвалах, находящихся под зданиями ГПУ.

Эти подвалы расположены во внутренней тюрьме ГПУ и усиленно охраняются красноармейцами из войск особого назначения. Даже во внутренний двор тюрьмы никому из сотрудников не разрешается входить без прямой надобности и специального разрешения. Только из некоторых окон здания

ОГПУ можно видеть маленький двор и окна камер, закрытые щитами от посторонних глаз. За все мое пребывание в ОГПУ я не видел, чтобы арестованных выводили на прогулку.

Отделы ОГПУ разбиты на отделения. Как общее правило, не только один отдел не должен знать работы другого, но даже отделения одного и того же отдела не смеют посвящать друг друга в свою деятельность.

ОГПУ имеет полномочные представительства во всех национальных республиках и крупных центрах СССР. Эти представительства организованы по типу Москвы, только в меньшем масштабе. Вместо отделов там имеются отделения – филиалы московских отделов. Полномочные представительства, подчиняющиеся Москве, имеют в свою очередь филиалы в губернских, окружных и уездных центрах, являющиеся еще меньшей их моделью.

Я нарочно остановился на организации ОГПУ, чтобы читатель мог видеть всю структуру этого аппарата, так как без этого он не может себе представить всей колоссальной машины, законспирированной от остальных учреждений советской власти и конспирирующей внутри самой себя. Из этой организационной схемы читатель видит, что каждый отдел имеет свою самостоятельную сеть секретных агентов. Ему легко будет теперь поверить, что общее число секретных агентов в одной только Москве превышает десять тысяч человек. Через них ОГПУ контролирует не только деловую жизнь всех учреждений и предприятий, но и частную

жизнь каждого, чем-нибудь выдающегося гражданина, не говоря уже об иностранцах, которые находятся под особенно тщательным наблюдением.

Помимо всего описанного нужно помнить, что в помощь ОГПУ приданы милиция и органы уголовного розыска и что по завету Ленина – «каждый коммунист должен быть чекистом». Каждый коммунист, каждый комсомолец, наконец, каждый «сознательный» гражданин СССР, узнав или услышав что-нибудь, идущее вразрез с интересами советского правительства, обязан сообщить об этом в ГПУ.

Таких добровольцев-осведомителей сотни тысяч в СССР; но они считают нужным помогать ГПУ или находиться с этим учреждением в хороших отношениях, потому что только тогда они могут рассчитывать на относительно спокойную и обеспеченную жизнь. Таким образом, зерна, посеянные двенадцать лет тому назад Дзержинским, ныне выросли в повсеместный шпионаж: сын доносит на отца и сестра на брата.

Глава 2

ОГПУ и правительство

ОГПУ по своей работе связано со всеми учреждениями в СССР и во всех учреждениях пользуется более или менее сильным влиянием.

ОГПУ только формально подчиняется Совнаркому

СССР, а фактически – политбюро ЦК. Оно беспрекословно выполняет все директивы, получаемые от руководителей ЦК партии. Если при жизни Дзержинского ОГПУ иногда пускалось в обсуждение того или иного вопроса или постановления ЦК, то после его смерти оно получило при ЦК партии чисто исполнительные функции и не смеет рассуждать. Это можно видеть на многочисленных политических примерах и на частных примерах Бажанова и Беседовского, которых ОГПУ хотело ликвидировать и не сумело настоять на своем: политбюро запретило. Перемена объясняется разницей в личном авторитете Дзержинского и Менжинского. В то время как первый сам был членом политбюро и играл там крупную роль, последний едва прошел на последнем съезде в члены ЦК. Отсутствие личного авторитета несколько снизило авторитет и всего ГПУ по отношению к другим наркоматам, руководителями которых являются более крупные фигуры, чем Менжинский.

Когда после смерти Дзержинского в 1926 году обсуждалась кандидатура на пост председателя ОГПУ, политбюро долго колебалось и одно время даже думало поручить руководство ОГПУ Орджоникидзе или Микояну. Их имена выдвигались ввиду малой известности Менжинского и его недостаточного авторитета в партийной среде. Однако, учитывая ропот среди сотрудников ОГПУ, которые, слышав об этих кандидатурах, чуть не открыто говорили о национал-шовинистических тенденциях Орджоникидзе и о бес-

просветной глупости Микояна, политбюро утвердило безличную кандидатуру Менжинского. С тех пор орган диктатуры пролетариата стал послушным орудием в руках политбюро, то есть его руководителя Сталина. Весь мир мог в этом убедиться на примерах расправы с троцкистами и правой оппозицией.

* * *

Между ОГПУ и Наркоминделом всегда шла и идет жестокая борьба за влияние в политбюро. Несмотря на то что внешними сношениями СССР заведует Наркоминдел, Центральный комитет информируется по вопросам внешней политики также в ГПУ. Почти всегда сведения и заключения этих двух учреждений по одним и тем же вопросам расходятся между собой. Так, например, по вопросу о восстании в Афганистане в 1929 году Наркоминдел стоял за поддержку Амануллы и его сторонников, а ГПУ высказывалось в пользу Бачаи Сакао, выдвинутого народными массами. В этих разногласиях корень антагонизма между руководителями обоих учреждений, и антагонизм передается по всей линии ОГПУ и Наркоминдела до самых низов. Наиболее ярким врагом ОГПУ является замнаркоминдела Литвинов. Он органически ненавидит ГПУ, однако другой заместитель наркома, Карахан, имеющий личные счета с Литвиновым, не гнушается иногда заигрывать с ГПУ.

Борьба принимает особенно острые формы при назначении сотрудников за границу и продолжается за границей между полпредом или консулом и представителями ОГПУ.

Обыкновенно при назначении того или иного сотрудника за границу вопрос должен решаться в специальной комиссии ОГПУ, собирающейся раз в неделю. Комиссию возглавляет начальник иностранного отдела, а чаще кто-нибудь из его помощников. В состав ее входят представитель ЦК, он же заведующий бюро заграничных ячеек при ЦК, и представитель учреждения, которое командировет сотрудника. Заблаговременно заполненная и присланная в иностранный отдел ГПУ анкета ходит по всем отделам и отделениям ОГПУ, о данном лице наводятся справки в архивах и по картотеке. Достаточно, чтобы его фамилия фигурировала в каком-нибудь донесении агентов ГПУ, даже без всякого повода, как комиссия отказывает ему в визе и предлагает заменить его другим. Решающее слово в комиссии принадлежит представителю ОГПУ.

Как заносятся подозреваемые лица на картотеку, можно судить по тому, что в начале 1929 года, когда решили проверить и обновить картотеку, в ней нашли личные карточки... Бриана, Вильсона, Ллойд Джорджа и других «крамольников». На картотеку заносятся часто только фамилии или только имена, так что почти невозможно установить тождество лица. Поэтому достаточно бывает просителю визы на въезд или выезд иметь похожую фамилию или имя, чтобы

он получил отказ. В этих случаях не только он, но зачастую и само ОГПУ не знает, в чем он, собственно говоря, обвиняется. Случается, что когда задерживается лицо, имеющее крупную протекцию, и ОГПУ получает запрос о причине его невыпуска за границу, то оно не может выдвинуть никакого мотива отказа. Попав впросак, оно нехотя выдает разрешение. Помню, летом 1929 года поступило множество анкет от американских и английских туристов. Многим из них ОГПУ отказало. Центральный комитет, по требованию Наркоминдела, предложил ОГПУ отменить постановление. Оказалось, что органы ГПУ не могли выдвинуть никаких конкретных обвинений против «отказываемых», а ЦК партии нуждался в долларах туристов.

Особенно часто ОГПУ задерживает сотрудников Наркоминдела. Наркоминдел отвечает тем же при назначении сотрудников ОГПУ за границу через аппарат Наркоминдела. Но Наркоминдел поступает благоразумнее и старается найти какой-нибудь благовидный предлог, если не для отказа, то в крайнем случае для оттяжки, ссылаясь на неимение штатов, на несоответствие назначаемого и т. п.

Так, например, было со мной.

В 1927 году ОГПУ выдвинуло меня на должность резидента в Ангору, с зачислением на официальную должность атташе посольства. Наркоминдел ответил, что должен запросить согласие полпреда в Турции Сурица. Спустя две недели пришел ответ: Суриц согласен. Тогда спохватились, что по

штатам Ангоры нет должности атташе и что таковую необходимо специально учредить на одном из ближайших заседаний коллегии НКВД. Наконец, спустя еще три недели, должность по штату была учреждена, а еще через неделю Наркоминдел сообщил, что все готово, однако находит, что меня, как армянина, посылать в Ангору неудобно, хотя официально, по паспорту, я должен был ехать как еврей, под чужой фамилией.

Борьба за границей между полпредом или консулом и представителем ОГПУ выливается иногда в ожесточенные формы. Корень борьбы лежит в двоевластии, создающемся вследствие полной автономности представителей ГПУ.

Представитель ГПУ, или, как он иначе называется, резидент, формально подчинен полпреду по должности секретаря или делопроизводителя, но на самом деле благодаря возложенным на него специальным задачам и полной бесконтрольности сообщений с Москвой авторитет его выше и страх перед ним совслужащих за границей сильнее страха перед самим полпредом. Полпред, сам чувствуя над собой постоянный контроль и всегда ожидая какой-нибудь пакости со стороны резидента, естественно, старается себя застраховать и первый нападает на него, полагая, что нападение есть лучший способ защиты. Для этого используется формальное подчинение резидента. Начинается склока, раскалывающая полпредство и очень часто все остальные совучреждения в стране на враждебные лагеря. Драка углубляется и разрас-

тается, пока кого-нибудь из лидеров не отзовут в Москву; оставшийся другой лидер высылает затем всех сторонников своего врага. Приезжает новый на место высланного, борьба обновляется, вчерашний победитель терпит поражение, начинается высылка новой группы, и так без конца. Этим, и главным образом этим объясняется столь частая смена сотрудников заграничных учреждений, стоящая колоссальных средств государству, ибо при переездах выдаются большие суточные, подъемные, проездные и т. д.

Яркий пример такой склоки дало в 1927–1928 годах полпредство СССР в Тегеране, где тамошний посол Юренев, столкнувшийся с торгпредом Гольдбергом, выжил его и всю его группу, а затем, после отъезда Юренева, были выброшены из Тегерана и все сторонники Гольдберга.

Подобные же склоки происходили в Афганистане, в Мешехе, Тавризе, Пехлеви. На них я потом остановлюсь подробнее.

* * *

Отношения ГПУ с Наркомторгом при назначении сотрудников приблизительно таковы же, как и с Наркоминделом, но ввиду малой сопротивляемости представителей Наркомторга трений между ними бывает меньше. До 1927 года ОГПУ использовало аппарат Наркомторга за границей не только для легального прикрытия своих агентов, но и для

финансирования и снабжения секретных агентур товарным фондом, лицензиями и пр.

Так, например, агентура Мешед, добывавшая английскую почту, снабжалась мануфактурой для открытия магазина, который должен был служить прикрытием агенту ГПУ. Мешедское купечество за доставку сведений в ГПУ снабжалось лицензиями Наркомторга, что подрывало монополию внешней торговли и вызывало недовольство среди честного персидского купечества. Тегеранская агентура снабжалась сахаром и нефтепродуктами для лавок, открытых для камуфлирования агентов. В связи с колоссальными убытками от таких операций Центральный комитет партии воспретил, наконец, ГПУ иметь торговые сношения с Наркомторгом. ГПУ ныне довольствуется использованием торгового аппарата для переброски сотрудников за границу, да и то на вторые роли. Работники Наркомторга не имеют дипломатических паспортов и потому меньше гарантированы от провалов, чем сотрудники полпредств. С другой стороны, советская власть опасается компрометировать свои хозучреждения за границей после налета на АРКОС.

Резидент ОГПУ за границей собирает экономический материал по указаниям из Москвы, но обязан выполнять и иногда выполняет задания полпреда и торгпреда по добыче нужных им документов, договоров конкурирующих фирм и т. и. В таких случаях торгпредство берет все расходы на себя. Обыкновенно же весь информационный материал направля-

ется в иностранный отдел ОГПУ в Москву, где его перерабатывают и рассылают затем в копиях по заинтересованным инстанциям.

* * *

Почти до 1926 года отношения между ОГПУ и Коминтерном были самые дружеские. Начальник иностранного отдела Трилиссер был большим приятелем заведующего международной связью Коминтерна Пятницкого, и оба учреждения находились в теснейшей деловой связи. Да иначе и быть не могло, так как ОГПУ ведет работу за границей по обследованию контрреволюционных и оппозиционных организаций, в которые входят все русские и иностранные антибольшевистские партии, начиная от социал-демократии и 4-го Интернационала и кончая фашистами. Этим материалом ОГПУ, естественно, должно делиться с Коминтерном, чтобы облегчить ему работу в борьбе с враждебными коммунизму влияниями. Кроме того, в иностранных компартиях, в особенности в восточных странах, имеется большой запас провокаторов, борьбу с которыми и выявление которых взяло на себя ОГПУ, так что, повторяю, деловая связь между ОГПУ и Коминтерном неизбежна.

На местах, за границей, эта связь, однако, приняла совсем другой характер. Резиденты ОГПУ, поддерживающие связь с представителями Коминтерна за границей, пошли по ли-

нии наименьшего сопротивления в своей работе. Вместо того чтобы самим рисковать и вербовать нужную агентуру, они стали пользоваться для шпионской работы местными коммунистами, что в конце концов стоило дешевле и было безопаснее, как в идейном отношении, так и в отношении возможной провокации.

Шумиха, поднятая в связи со знаменитым «письмом Зиновьева», непрекращающаяся дискуссия в европейской печати по вопросу о единоличии советской власти и Коминтерна и риск предательства и провокации среди завербованной из местных коммунистов агентуры заставили ОГПУ в 1927 году дать категорическое распоряжение своим представителям ни в коем случае не связываться с представителями Коминтерна и с местными партийными организациями. Такого рода распоряжения получили одновременно представители Наркоминдела, Наркомторга и Разведывательного управления за границей.

Распоряжение это, однако, не всегда и не всеми выполнялось и выполняется. В Москве же и поныне отношения остались старыми. Так же, как и раньше, из всех поступающих материалов выделяются интересующие Коминтерн вопросы и отсылаются тому же Пятницкому. Связь еще более окрепла с тех пор, как Коминтерн в Москве сумел организовать (в течение последних двух лет) превосходно поставленное паспортное бюро, то есть отдел по фабрикации фальшивых паспортов. ОГПУ, имеющее такое же собственное бюро, ча-

сто обращается за помощью по снабжению своих сотрудников фальшивыми иностранными паспортами в бюро Коминтерна.

* * *

Разведывательное управление является 4-м управлением штаба Рабоче-крестьянской Красной армии. Начальником его состоит Берзин. Это управление ведет военную разведку за границей через военных атташе при посольствах. Кроме того, управление имеет нелегальную агентуру, независимую от аппаратов военных атташе. Для снабжения ее иностранными паспортами и разными удостоверениями Разведупр прибегает к помощи паспортного бюро Коминтерна. Как и представители ОГПУ, военные атташе и нелегальные агенты Разведупра не имеют теперь права связываться с местными компартиями и использовать их для своей работы.

Отношения между Разведупром и ОГПУ в Москве чисто официальные. Они заключаются в обмене информационным материалом. В отношениях существует некоторая натянутость: ОГПУ никогда не упускает случая заняться часто военным шпионажем и часто конкурирует с Разведупром. Считая, что оно может выполнять эту работу лучше, ОГПУ время от времени поднимает перед ЦК партии вопрос о ликвидации Разведупра и передаче его функций и бюджета в ОГПУ. Однако Центральный комитет предпочитает сохра-

нять оба органа отдельно. Это дает ему возможность взаимно их контролировать.

За границей связь и сотрудничество между резидентом ОГПУ и военным атташе зависит от личных взаимоотношений. Однако чересчур тесная дружба Москвой не одобряется, так как резиденты могут спеться и Москва будет лишена возможности их контролировать. В этом я убедился на собственном опыте, когда, получив назначение в Афганистан, я спросил свое начальство, каковы должны быть мои отношения с военным атташе, и выслушал ответ: «Никаких отношений, наблюдайте за ним»...

Говоря об отношениях иностранного отдела ОГПУ с другими организациями, необходимо упомянуть о связи его с собственными отделениями на местах.

В то время как Москва посылает представителей в иностранные столицы для освещения общих вопросов, приграничные отделения ГПУ имеют право посылать своих агентов в ближайшие пограничные районы для освещения вопросов местного значения. Эти агенты должны подчиняться московскому представителю и вести работу в точно указанном районе. Однако, поскольку нет точной разграниченности, очень часто эти агенты проникают глубоко в страну и иногда, чувствуя свое превосходство над московским представителем, стараются взять инициативу в свои руки, приобрести самостоятельность и расширить сферу своей деятельности. Эти попытки всегда вызывали в Москве твердый

отпор, однако местные отделы все-таки кое-чего добились. Так, например, Ташкентское ГПУ самостоятельно работает в Западном Китае, Северном Афганистане и Восточной Персии. Владивосток ведет работу в районе Харбина, Одесса работает в Бессарабии, но больше всех добилось кавказское ЧК, захватившее в сферу своей работы Западную и Северную Персию, всю Азиатскую Турцию и имеющее своего почти независимого представителя при Константинопольской резидентуре ОГПУ.

Местные отделы ГПУ стараются использовать для посылки агентов советские консульства, но большей частью довольствуются торговыми учреждениями. Так, например, Кавказ использует аппарат Наркоминдела (резидент ГПУ в Тавризе сидит в консульстве), закавказского торгового представительства и Нефтесиндиката для посылки агентов в Персию и Турцию. Ташкент использует для работы в Персии и Афганистане аппараты Бюроперса, Нефтесиндиката и Афганского торгового общества.

Но, повторяю, несмотря на раздвоенность в работе, местные работники подчиняются представителю Москвы, посылают ему копии донесений и получают от него деньги за работу. Работники Разведупра, наоборот, работают каждый в отдельности и посылают свои донесения непосредственно в Москву, не обмениваясь друг с другом информацией.

Бюджет ОГПУ трудно исчислить. Помимо правительственных ассигнований, оно имеет огромные приходы от контрабанды, захватываемой на границах, и от собственного колоссального хозяйства: жилых домов (в этих домах живут сотрудники, бывшие и настоящие, ГПУ, платящие за квартиры и комнаты, между прочим, дороже, чем жильцы всех других советских домов), кооперативов, типографий и пр.

Если бы даже я мог произвести точный учет этому бюджету, то не думаю, чтобы он представлял собой большой интерес. Я хочу остановиться только на бюджете иностранного отдела, который может дать некоторое представление о размерах и размахе работы ГПУ за границей.

Нужно сказать, что бюджет иностранного отдела отпускается в долларах и из года в год сокращается в связи с острой нуждой в валюте. Так, например, в то время, как на 1928/29 год было отпущено три миллиона долларов, уже в январе 1929 года, то есть когда не истек еще бюджетный год, средства были сокращены сперва на 10, а затем, к концу года, на целых 30 %. На 1929/30 год был отпущен один миллион пятьсот тысяч долларов, то есть только половина прошлогоднего бюджета. Лозунг экономии проводится и здесь.

Как составляется бюджет иностранного отдела.

Перед началом октября отдел запрашивает смету у всех

резидентов. На основании этих смет, расчетов с Наркоминделом и возможности непредвиденных расходов составляется смета всего отдела и вносится в политбюро. Бюджет иностранного отдела ГПУ, как секретный, утверждается не Народным комиссариатом финансов, а политбюро.

Получает деньги отдел от правительства каждые три месяца. Несмотря на то что при составлении бюджета запрашиваются резиденты на местах, однако при утверждении местных смет начиню исходит не из представленных требований, а из необходимости в работе: иногда отпускают во много раз больше представленной сметы, а иной раз сократят на половину.

Это зависит от успешности работы резидента. Так, например, в начале 1927 года я, будучи в Персии, имел ежемесячную смету в две с половиной тысячи долларов, а к концу того же года смета была увеличена до пяти тысяч. Берлинская резидентура ОГПУ имела в 1928 году 15 тысяч долларов ежемесячной сметы, а в 1929 году эта смета была снижена до семи тысяч.

Резиденты обязаны ежемесячно посылать в Москву отчет об израсходованных суммах, и если в течение трех месяцев расход составляет меньше, чем отпущенные по смете суммы, то смета соответственно сокращается, если же затем, в связи с развитием работы, резиденту необходимы дополнительные средства, он должен представить мотивированное объяснение. Очень часто резиденты, чтобы избежать сокращений,

тратят или, по крайней мере, показывают, что тратят больше, чем на самом деле следует. На каждый произведенный расход должен иметься оправдательный документ, а если такового по тем или иным причинам нет, то справка самого резидента с указанием, на что израсходованы суммы.

Отчеты резидентов поступают вместе с общей почтой в соответствующие отделения и по рассмотрении и утверждении направляются к заведующему финансовой частью иностранного отдела.

Финансовая часть иностранного отдела совершенно обособлена от финансового отдела ОГПУ. Заведует ею некто Ключарев, молодой парень, лет тридцати, ведающий этой работой уже в течение шести лет. До того он работал в Лондоне вместе с Розенгольцем, но разругался с послом, приехал в Москву и не пожелал больше состоять в коммунистической партии, несмотря на многократные увещевания партячейки. Однако он пользуется полным доверием как партии, так и ОГПУ.

Деньги резидентам посылаются в долларах через Наркоминдел, почтой или телеграфно. В первом случае – в особо запечатанном конверте на имя резидента, во втором – Наркоминдел телеграммой просит полпреда выдать соответствующую сумму резиденту, которую ОГПУ внесло в кассу Наркоминдела в Москве.

ОГПУ держит связь со своей заграничной агентурой через дипломатических курьеров Наркоминдела. Каждый резидент ГПУ за границей имеет кличку. Так, например, берлинский резидент Гольдштейн имеет кличку Александр, константинопольский резидент Наумов – Бур и т. д.

Соответствующее отделение в Москве заготавливает письмо с инструкциями для резидента на простой бумаге и нумерует ее. В последнее время, после налета китайцев на Пекинское полпредство, запрещено начинать письма словами: «Уважаемый товарищ». Ставится только номер.

Инструкция подписывается соответствующим помощником начальника ИНО, причем подписью также служит условный псевдоним. Письмо запечатывается в конверт, на конверте ставится кличка резидента и пометка: «никому другому не вскрывать, вскрыть только адресату». Этот конверт вкладывается в другой, на котором пишется адрес того полпреда или консула, куда письмо направляется, и в таком виде почта сдается в Наркоминдел. Печать на внутреннем конверте ставится условная, часто какая-нибудь печать царского времени, а на наружном конверте накладываются печати Наркоминдела. Кличка резидента известна полпреду или консулу, и тот по получении письма, не вскрывая, передает его по назначению.

Таким же способом посылаются письма нелегальным резидентам, с той лишь разницей, что внутри резидентского конверта помещается еще один конверт для нелегального, кличку которого не должен знать даже полпред; ее знает только один легальный резидент ГПУ, который и направляет письмо адресату через имеющуюся у него секретную связь.

Почта в Москву идет обратно таким же порядком.

Резидент, подписавшись кличкой, запечатывает все имеющиеся материалы в конверт без адреса, но с указанием: «вскрыть только адресату». На конверт ставится резидентская условная печать, он вкладывается в другой конверт, запечатанный полпредской печатью и адресуется в Москву в «Историко-научное общество, Трипольскому», что означает заглавные буквы подлинного адреса: иностранный отдел, Трилиссеру. Получающая в Москве почту дипкурьерская часть Наркоминдела знает, чьи это письма, и сообщает об их получении в ГПУ. Оттуда приходит сотрудница ГПУ и уносит почту.

За последние два года эта связь перестала удовлетворять ОГПУ: во-первых, Наркоминдел все время боится изобличения и компрометации своего учреждения и настаивает на изменении системы связи, а во-вторых, опыт афганских и китайских событий показал, что связь через Наркоминдел непрочна и в случае разрыва дипломатических отношений или других причин связь с резидентами часто обрывается, то есть разведка не достигает основной своей цели – сохране-

ния ее на время военных действий. Эта мысль, собственно, и натолкнула на идею организации нелегальных резидентур ГПУ параллельно с легальными, и она же поставила на очередь вопрос о новых способах связи с ними.

В этом направлении проведены следующие реформы. Константинопольская резидентура, помимо дипкурьерской связи, поддерживает связь с Москвой через советские пароходы, курсирующие между Одессой и Константинополем, на которых разъезжает специальный агент ГПУ по связи. Через советские же пароходы поддерживается связь с агентами ГПУ в Геджасе и Йемене.

На этом я заканчиваю описание организационной структуры ОГПУ, его сил, средств и перехожу к личным воспоминаниям.

Я буду писать главным образом о работе, которую проделал сам или которой руководил, и буду ссылаться только на факты, которые мне достоверно известны. Обвинять меня в преувеличении не придется, ибо, когда пишешь о себе, неудобно выставить себя и свою работу на первый план. Поэтому, вероятно, скорее всего будут обвинять в преуменьшении. Однако мне легко будет опровергнуть и это обвинение, ибо, во-первых, как я упоминал, мне не могло быть все известно, так как каждый сотрудник О ГПУ знает только порученное ему дело, а во-вторых, я был за последние шесть лет почти все время за границей и не мог знать многого то-

го, что я слышал бы, если бы находился в Москве. Я ставлю своей задачей объективную передачу фактов, участником и непосредственным свидетелем которых я был. Заинтересованные державы могут свободно их проверить.

Часть вторая

Воспоминания чекиста

Мне часто приходится слышать вопрос, да и сам я не раз себе его задавал: почему я, проработавший десять лет, с 1920 по 1930 год, в ЧК и ГПУ, решил порвать с советской властью и опубликовать свои записки.

Я больше чем кто-либо был знаком с системой и механизмом советской власти, я видел совершавшееся из года в год перерождение, вернее, вырождение этой власти. Я потерял веру в то, что нынешнее правительство сможет осуществить мои идеалы. Я порвал с ним. Не только порвал, но поставил себе целью помочь ему скорее уйти и дать место другому.

Одним из главных оплотов этой власти является ОГПУ, и я решил в первую очередь ударить по нему, разоблачив то, непосредственным участником и свидетелем чего я был в течение последних десяти лет.

Глава 1

ЧК на Урале

Началось это на Урале, в городе Екатеринбурге (ныне Свердловск) в конце 1920 года, когда я из губкома (губернского комитета партии) был направлен на службу в местную

губчека. Мне было тогда двадцать четыре года. Помню вечное недоедание, голод и холод в Красной армии, где я до того служил. Они сменились более или менее сытой жизнью, как только я перешел в ЧК.

Губчека помещалась на Пушкинской улице в доме номер 7. Это было небольшое двухэтажное здание, с большим подвалом для арестованных, со двором и с конюшней на конце двора, где производились расстрелы выводимых из подвала. Председателем ЧК и одновременно председателем особого отдела 3-й армии, находившегося в Екатеринбурге, был Тунгусков, старый матрос. Об этом недалеком человеке, жестоком по природе и болезненно самолюбивом, рассказывали страшные вещи. Его товарищами были начальник секретно-оперативной части Хромцов, человек очень хитрый, наиболее образованный из всей тройки, до революции мелкий служащий в Вятской губернии, и латышка Штальберг, настолько любившая свою работу, что, не довольствуясь вынесением смертных приговоров, она сама спускалась с верхнего этажа в конюшню и лично приводила приговоры в исполнение.

Эта тройка наводила такой ужас на население Екатеринбурга, что жители не осмеливались проходить по Пушкинской улице.

Это было десять лет тому назад. Сейчас, в 1930 году, Тунгусков сам расстрелян за бандитизм, Хромцов, исключенный из партии, ходит безработным по Москве, и только

Штальберг работает следователем по партийным взысканиям заграничных работников при Центральной контрольной комиссии. Их садистские наклонности получили некоторое возмездие только много лет спустя, после того как они погубили тысячи безвинных людей, прикрываясь защитой революции и интересами пролетариата.

Я был назначен сотрудником для связи с агентурой при уполномоченном по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом. Моим начальником был Коряков, простой полуграмотный крестьянин Пермской губернии. Он был честным человеком, относился к делу добросовестно, и поэтому улов контрреволюционеров был у него не обильный. По этой причине начальство было им недовольно. Проработал я там до января 1921 года и, как военный, был затем переведен в особый отдел 3-й армии помощником начальника агентуры. Как я упоминал, начальником особого отдела состоял все тот же Тунгусков, а его заместителем был некто Старцев, человек интеллигентный и образованный, но страшный пьяница. Моим же непосредственным начальником в отделе являлся некто Иванов, бывший ремесленник-жестянщик. Беспробудный пьяница, больной алкоголик, он по утрам не мог выйти на работу, не выпив предварительно бутылку водки. Такие же порции он принимал в течение дня, а вечером уже настоящим образом напивался. Все мое время при нем уходило на добычу водки, что было довольно трудно, так как в то время спиртные напитки были запрещены, а отпускаемый

месячный запас спирта на секретную работу Иванов поглощал в течение недели. На мой вопрос, почему он так много пьет и не лучше ли ему прекратить это занятие, он отвечал, что не может бросить пить, потому что, будучи в Перми, он расстрелял тысячи людей, которые «приходят его мучить», если он не напивается. Что это была за фигура, видно хотя бы из следующего.

В апреле 1921 года пришла на имя начальника особого отдела бумага из пермского ревтрибунала, в которой сообщалось, что трибунал рассмотрел дело о хищении серебра (серебряной посуды и прочих вещей), конфискованного у буржуазии, и, установив виновность Иванова в хищении, приговорил его к пяти годам тюремного заключения. Трибунал просит направить Иванова в Пермь для отбытия наказания. Начальник особого отдела передал бумажку Иванову и велел дать письменное объяснение под его диктовку. Когда я его спросил, почему же он сам не напишет, он признался, что писать не умеет, а только может подписать фамилию. Объяснение, конечно, удовлетворило начальника, и Иванов был оправдан.

В то время из центра пришло распоряжение об отмене красного террора. Однако подвалы губчека и особого отдела были полны всяким народом, начиная от офицеров и священников и кончая крестьянами, прятавшими хлеб от реквизиции. Каждую ночь происходили ликвидации этих «нахлебников», как их называли в ЧК. Хотя для расстрелов су-

существовал специальный штат комиссаров, однако в них принимало участие и начальство. Обыкновенно после такой работы Старцев и Иванов напивались до положения риз и не показывались на службе по два, по три дня. Так длилось до мая 1921 года, когда пришло распоряжение о переформировании 3-й армии в 1-ю трудовую и о ликвидации особого отдела.

Началась ликвидация не только дела, но имущества. Было множество конфискованных золотых и серебряных вещей, денег, драгоценностей, одежды, даже продовольствия. Все это было вынесено в общую комнату и распределено между сотрудниками. После этого была устроена генеральная попойка всех сотрудников, и особый отдел 3-й армии закончил свое существование.

* * *

К весне 1921 года в Тюменской губернии восстали крестьяне Ялотуровского уезда, перебили около четырехсот коммунистов и объявили в своих районах безвластие. Местные войска не могли справиться с восстанием. На помощь им были посланы части из Екатеринбурга и Омска. Одновременно для усиления местного ЧК было послано несколько сотрудников из Екатеринбургской губчека. В числе командированных находился и мой бывший начальник Коряков, которым, как я говорил, начальство не было довольно и ре-

шило его сплавить. Приехав в Тюмень, Коряков получил назначение заведовать информацией губчека и, узнав о ликвидации особого отдела, потребовал моего откомандирования в Тюмень. Приехав в Тюмень в июле 1921 года, я получил назначение помощником Корякова по секретной агентуре.

По информационным сведениям, восстанием крестьян руководили работники из местного губернского продовольственного комитета, где полно было эсеров и меньшевиков и было очень мало коммунистов. Были сведения, что сам губпродкомиссар находится под влиянием эсеров и посылает на места уполномоченных, которые подстрекают крестьян к выступлению против советской власти. ЧК командировала меня в губпродком на официальную должность заведующего личным составом, чтобы я мог проверить весь состав служащих и следить за их работой и передвижениями.

Прежде чем продолжать, остановлюсь немного на руководителях тюменской губчека. Председателем был некто Студитов, старый путиловский рабочий, но деклассировавшийся, с огромным животом. Ныне он состоит членом ЦКК в Москве. Членами коллегии были Бойко – начальник секретного управления, человек развитой и претендовавший на пост председателя, и некто Пильчак, который ничего собой не представлял, кроме того, что был родственником начальника спецотдела ВЧК в Москве Бокия. Между тройкой шла глухая вражда, передававшаяся в среду сотрудников. С одной стороны был Студитов, а с другой – Бойко и Пильчак.

Вступив в должность заведующего личным составом, я получил директиву немедленно очистить аппарат от всех бывших офицеров и других подозрительных лиц. Директиву эту я осуществлял, постепенно заменяя увольняемых людьми, присланными из губернского комитета, а чаще приходившими по личной рекомендации губернских вождей.

Сидя в отделе личного состава, я, конечно, завел агентуру и в других отделах и имел полное представление о работе всего продовольственного комитета. С агентурой в то время расплачивались не деньгами, так как деньги не имели почти никакой цены, а продуктами, водкой или же протекцией в учреждениях, где агенты служили. В распоряжении губчека имелся секретный фонд спирта, выдававшийся агентуре для угощения лиц, у которых можно было получать сведения.

Одним из таких агентов мне было сообщено, что из Тюменской губернии вывезено 20 тысяч пудов хлеба незаконным путем и что за это дело крупные взятки получили председатель ЧК Студитов, председатель губисполкома и председатель губернского комитета партии. Я, конечно, доложил об этом своему непосредственному начальнику Бойко. Недели две спустя Бойко при очередном скандале со Студитовым намекнул о взятке. В ту же ночь, по распоряжению Студитова, был арестован Бойко, а заодно с ним и Пильчак по обвинению в склоке и подрыве авторитета начальства.

Пильчаку вскоре удалось, при помощи своих приверженцев, бежать из Тюмени в Москву и найти там поддержку у

Бокия, а спустя несколько дней в Тюмень прибыл для расследования дела инспектор от полномочного представителя ВЧК в Сибири. В результате расследования Бойко был освобожден, а Студитов выехал в Новониколаевск к полномочному представителю ВЧК Павлуновскому и, получив там изрядный нагоняй, вернулся обратно в Тюмень.

Я искал случая покинуть Тюмень, потому что боялся, что Студитов рассчитается со мной. Однако со мной ничего не случилось. То ли Студитов не знал о моем участии в этом деле, то ли, ввиду наступившей чистки партии в 1921 году, решил переждать.

Из Москвы тем временем поступило циркулярное распоряжение о командировании лиц, владеющих восточными языками, в распоряжение ВЧК. Я воспользовался циркуляром и, как знающий турецкий и персидский языки, стал проситься в командировку. Студитов меня не задерживал.

Глава 2

В восточном отделе ВЧК

Приехал я в Москву вскоре по объявлении НЭПа. Уже начали открываться кое-какие магазины, в витринах стали появляться пирожные и булочки, попеременно с сапогами и другими товарами.

Я явился в административный отдел ВЧК. Там меня зарегистрировали и, как восточника, направили в 14-е специаль-

ное отделение. В то время были только специальные отделения, которые затем уже преобразовались в отделы. Так, 14-е отделение ВЧК обратилось в иностранный отдел ГПУ, 8-е отделение – в специальный отдел и т. д.

Начальником 14-го отделения был Михаил Абрамович Трилиссер. Делами отделения он мало интересовался и даже помещался не при отделении, а при коллегии ВЧК. Работой фактически руководил его помощник, эстонец Стырнэ, молодой человек лет двадцати двух, однако очень способный. До работы в ВЧК он служил в коммунальном хозяйстве, перешел в ВЧК из соображений карьеры и для выслуги перед начальством готов был на что угодно.

Явился я к Стырнэ и после первого же разговора был зачислен сотрудником для поручений. Когда на следующий день я пришел на работу, то застал десяток молодых людей, занятых чтением газет и разговорами о продовольственных карточках. Упомяну из этих людей только Триандофилова, грека с Кавказа, Казаса, караима из Крыма, и Риза-заде, азербайджанца из Баку, так как к ним мне придется вернуться в моем рассказе. Я присоединился к общей компании и начал знакомиться с московскими условиями жизни.

Поселился я в доме номер 9 на Большой Лубянке, отведенном под общежитие сотрудников ВЧК и называвшемся тогда Домом коммуны номер 2. В одной комнате помещалось 8 человек: 5 мужчин и 3 женщины – жены сотрудников. Помещение отапливали мы сами – дровами, которые нам

предоставлено было искать где угодно. Скоро я понял, почему все заняты были разговорами о продовольствии: в Сибири всегда можно было достать хлеб, но здесь, в Москве, все выдавалось исключительно по карточкам.

Мне, как знающему персидский язык, поручили ознакомиться с материалами по афганскому посольству в Москве и передали два толстых дела, содержавшие донесения наружной разведки. Члены иностранных миссий, конечно, не нуждались в продовольствии (часть запасов привозилась из-за границы). У них было множество знакомых, пользовавшихся их связями для легкого получения продуктов. Среди знакомых особенно много было женщин. В донесениях агентов наружного наблюдения регистрировались все лица, посещавшие посольства, и все лица, с которыми встречались члены миссии в городе, но сообщались только приметы лиц, без указания адресов, фамилий и пр.

Одновременно с делами афганского посольства я просмотрел дела по персидскому и турецкому посольствам и нашел там точно ту же картину. Я был молодым и неопытным разведчиком, но понял, что одним наружным наблюдением многого не достигнешь. Вскоре я представил Стырнэ доклад с предложением организовать *внутреннее освещение* иностранных посольств. Мой доклад был передан Трилиссеру и утвержден. Для выполнения его мне предложили поступить сотрудником в отдел Среднего или Ближнего Востока Наркоминдела и оттуда завести знакомства с членами мис-

сий, среди которых предстояло вербовать агентуру для ВЧК.

Заместитель председателя ВЧК Уншлихт снабдил меня письмом к управляющему делами Наркоминдела с просьбой устроить на службу. Несмотря на личное письмо Уншлихта, Наркоминдел меня не принял (уже тогда существовал антагонизм между Наркоминделом и ВЧК). Пробегав по кабинетам ВЧК со своим проектом полтора месяца, я ничего не добился и вдобавок разругался на одном из собраний ячейки со Стырнэ, а потому решил уехать из Москвы.

Моей мечтой было попасть в Туркестан, где я оставил родных.

В декабре 1921 года я подал заявление об откомандировании меня в Туркестан и, несмотря на уговоры Трилиссера, отправился в Ташкент в распоряжение полномочного представителя ВЧК в Средней Азии знаменитого Петерса.

Перед отъездом из Москвы я впервые познакомился с системой отправки за границу работников ВЧК. Это, собственно, была первая проба ВЧК посланки своих людей на заграничную работу. В конце 1921 года в Ангору назначили нового посланника СССР. К составу его миссии пристроили двух наших сотрудников – Триандофилова, уехавшего под фамилией Розенберг, и Риза-заде, не помню под каким псевдонимом. По позднейшим сведениям, Риза-заде успел на границе с кем-то подражаться, расшифровал себя и был задержан, а Триандофилов поехал в Турцию и проработал там около года, пока Москва не отозвала из-за какой-то склоки, разыг-

равшейся в стенах ангорского полпредства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.